Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 34. изданія годъ XVII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

Всѣ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ", КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

19 Августа 1895 г. № 34.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въъ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17. Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

МИМОХОДОМЪ.

— Вы подумали, дорогая, что замужъ выходить... это... очень серьезная вещь?..

— Да, но въ дѣвицахъ остаться — еще серьезнѣе.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Началось „великое переселеніе народовъ".

Фактъ, не заносимый на страницы „исторіи", но тѣмъ не менѣе сопровождаемый всевозможными „исторіями".

Народы столицы, съ исправностью хронометра, совершаютъ переселеніе два раза въ годъ.

При первомъ бюллетенѣ Кайгородова они тянутся на дачу.

При первомъ воровскомъ визитѣ они плетутся въ городъ.

Теперь мы находимся во второмъ фазисѣ.

Мы спѣшимъ на зимнія квартиры, потому что на дачѣ и холодъ, и сырость, и воровство и не съ кѣмъ въ винтъ сыграть.

Итакъ, господа, простимся съ лономъ природы и полѣземъ прямо въ распростертыя лапы петербургскихъ домовладѣльцевъ.

Спасаясь отъ воровъ, мы попадемъ къ разбойникамъ.

Но этого требуетъ осень.

***

У талантливаго поэта Надсона нашелся однофамилецъ.

Однофамилецъ поэта, однако, имѣетъ столько же общаго съ поэзіей, сколько князь Мещерскій похожъ на китайскаго богдыхана.

Совсѣмъ напротивъ.

Новый Надсонъ занимается „грибами".

О грибахъ онъ читалъ даже цѣлую лекцію.

И вотъ что мы почерпнули оттуда:

Бѣлый грибъ—поетъ въ русскомъ хорѣ.

Рыжикъ—крошечный канцелярскій служитель.

Сморчокъ—перворядный балетоманъ.

Поганый—сидитъ за прилавкомъ кассы судъ.

Остальной грибной репертуаръ мы позабыли, а потому поставимъ точку.

***

Мы идемъ впередъ. Это несомнѣнно.

Возьмемъ хотя бы наше купечество.

До сихъ поръ оно пріѣзжало въ Нижній на ярмарку для того, чтобы продать или купить товаръ.

А свободныя отъ коммерціи минуты посвятить веселью.

Для нуждъ послѣдняго свойства имѣется колоссальное количество разныхъ учрежденій.

Омонъ, Молотковъ, Наумовъ, Головановъ, Егоровъ и такъ далѣе.

Вотъ тѣ славные герои, которые готовы веселить ярмарочныхъ гостей.

Прежде этого было вполнѣ достаточно для нашего купечества.

Но теперь оно этимъ не удовлетворяется.

Купецъ Макокинъ оретъ теперь благимъ матомъ:

— Братцы! Дайте намъ *газету!* Да такую газету, въ которой бы не зубоскалили надъ купцомъ, а, напротивъ, поддерживали нашего брата. Однимъ словомъ, дайте мнѣ купеческую газету...

Почтенное купечество подивилось Макокинскимъ словамъ и теперь думаетъ крѣпкую думу:

Браться за литературу, али нѣтъ?

Во всякомъ случаѣ прогрессъ очевиденъ. Вмѣсто битья зеркалъ и мазанья горчицей арфянокъ—купцы займутся сотрудничаньемъ въ своей собственной газетѣ.

Honny soit qui mal y pense!

***

Биржевые эквилибристы опять чуть-чуть не потеряли баланса.

Они жонглировали съ „Буэ" и съ „Фениксомъ", но не совсѣмъ удачно.

Вслѣдствіе этого у многихъ случилось разстройство желудка.

Жиды закричали-было гвалдъ, а другія биржевыя націи просто запросили „пардона".

— А кто виноватъ?

— Паулина!

И даже не Паулина, а просто пресловутый биржевой престидижитаторъ г. Гольденбергъ.

Впрочемъ, tout passe, tout casse, tout lasse!

***

И еще одна жертва общественнаго темперамента.

На этой недѣлѣ на глазахъ довольно многочисленной публики въ „Аркадіи" скончалось отъ тупоумія „Совсѣмъ новое обозрѣніе Петербурга".

De mortuis aut bene aut nihil.

Миръ ея праху!

Шутъ 2-й.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

САДЪ «КРЕСТОВСКІЙ».

НЕГРИТЯНКА

БЛЭККЪ-ПАТТИ.

Заморскій фруктъ, изъ породы чернослива.

КОЛЕСО ЖИЗНИ.

Мими сидѣла на кушеткѣ и думала горькую думу: Пьеръ Зубочисткинъ былъ у нея сегодня утромъ и просилъ, во что бы то ни стало, достать ему 250 рублей. Пьеру отказать нельзя, онъ такъ славно цѣлуетъ,—просто прелесть!.. Совсѣмъ не то, что этотъ банкиръ Хапенштейнъ, или даже корнетъ... какъ его?.. Мими забыла фамилію корнета... но это совсѣмъ не мудрено, при такой массѣ знакомыхъ!

* * *

Вечерѣло... Раздался звонокъ и въ будуаръ Мими вошелъ банкиръ Хапенштейнъ.

— Блаженство мое, просюсюкалъ банкиръ, слюнявя руку Мими,—что вы сидить таково задумчивово?

Мими протянула Хапенштейну какую-то бумажку.

Хапенштейнъ бросилъ взглядъ черезъ pince-nez и всплеснулъ руками.

— Что это? Счетъ отъ портнихи на 75 рублей?.. И изъ-за такихъ пуштяковъ и мое фее ташкуетъ? Пфе!.. Пожвольте предлазить деньги, только вшпакойтесь!..

Мими повисла на шеѣ банкира.

* * *

Послѣ банкира у Мими побывали и корнетъ, и купецъ Пудогрузовъ, и еще кто-то, и еще и еще...

Всѣ платили по счету портнихи.

* * *

Вечеромъ Пьеръ получилъ требуемую сумму и, перецѣловавъ ручки, ножки... распрощался съ маленькой Мими и отправился кутить къ рыжеволосой m-lle Флорансъ, шансонеточной француженкѣ изъ шато-кабака „Дзинь-ля-ля“.

НА ДАЧѢ.

— Что это?.. Нашъ дворникъ хлѣвъ разбираетъ?!. Эй, ты, кто тебѣ велѣлъ хлѣвъ разбирать?..

— Хозяинъ приказалъ...

— Экое безобразіе... Чѣмъ же мы топить будемъ, вѣдь уже холодные дни наступили.

Microbus.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Шанхай. Бывшій вице-король, Ліу, виновникъ избіенія миссіонеровъ, назначенъ комиссаромъ для производства слѣдствія по этому же дѣлу.

Ліу произнесъ противъ себя блестящую обвинительную рѣчь, а затѣмъ такую же, обвинительную. Потомъ онъ отрубилъ себѣ голову и, держа оную за волосы, повезъ ее въ придворной каретѣ къ китайской императрицѣ.

Бѣлградъ. Вновь произошло землетрясеніе. Вообще въ ожиданіи прибытія короля Милана землетрясенія замѣтно учащаются.

Парижъ. Г. Ціонъ (de Cyon), лишенный русскаго подданства и чина статскаго совѣтника, нисколько не огорчается этимъ: онъ находитъ, что званіе іерусалимскаго дворянина гораздо древнѣе означенныхъ званій.

МУЧЕНИКЪ ОХОТЫ.

(Послѣ сезона скачекъ).

Я встрѣтилъ нищаго въ дни эти;
Онъ ныл, стуча ладонью въ грудь:
— Жена—вдова; сиротки—дѣти...
Подайте, сударь, что-нибудь!..

Я вмѣсто всякаго отвѣта
Взглянулъ на нищаго—и вмигъ
Увидѣлъ я знакомый ликъ:
— Иванъ Иванычъ, вы ли это?

И, потревоженный вопросомъ,
Сперва онъ словно онѣмѣлъ,
Затѣмъ поникъ уныло носомъ
И изъ-подлобья посмотрѣлъ.

Подобно жареной картошкѣ
Онъ пожелтѣлъ—и молвилъ онъ:
— Въ минувшій скаковой сезонъ
Я проигрался на „тотошкѣ“.

Игралъ на скачкахъ, но—увы!—
Попался я какъ рыба въ сѣти...
— Иванъ Иванычъ, что же вы
Предпринимаете въ дни эти?

— Иду теперь въ ночлежный на ночь...
Но, презирая риска страхъ,
Я отыграюсь на бѣгахъ
Зимой! сказалъ Иванъ Иванычъ.

Евт. Бомба.

МЕЛОЧИШКИ.

— Неужели это правда, докторъ, что тифомъ заболѣваютъ только тѣ, которые имѣютъ къ нему расположеніе?

— Что же васъ удивляетъ?

— Меня удивляетъ то, какъ можно имѣть расположеніе къ такой гадости?

—

— Дорогая моя, я обожаю васъ!

— Ахъ, Боже мой, какъ я рада! Мамаша все говорила, что едва ли найдется дуракъ, который бы полюбилъ меня, а вотъ и нашелся!

—

— Тетушка, что значитъ *гражданскій* бракъ?

— Не знаю, душенька: мой мужъ былъ военнымъ.

—

— Душечка, если барыня спроситъ, скажи, что я ушелъ на винтъ къ сосѣду.

— Напрасно безпокоитесь: барыня никогда о васъ не спрашиваетъ.

—

— Папочка, наше фортепіано ужасно разстроено.

— Я думаю: кто не будетъ разстроенъ отъ твоего пѣнія!

* * *

— Мамаша, я видѣла сегодня, какъ папа цѣловалъ нашу горничную.

— Позови меня, когда ты еще разъ увидишь.

И. К.

ЧЕРНОКОЖЕЙ ПАТТИ.

Вы насъ явилися плѣнять,
Согласенъ я: вы чудно пѣли;
Но, ангелъ мой, зачѣмъ держать
Хорошій голосъ въ „черномъ тѣлѣ“?

Кудр. сат.

НОЧЬЮ НА ДАЧНОЙ УЛИЦѢ.

— Позвольте узнать, который часъ?

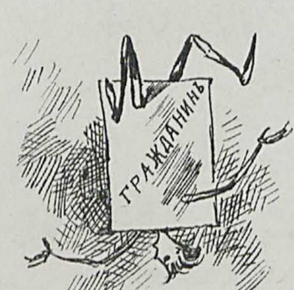
— Съ удовольствіемъ, только дойдемте до городового, а то, кто васъ знаетъ, можетъ быть вы у меня сорвать часы-то хотите?

А—стъ.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Князь Мещерскій въ „Гражданинѣ“, въ дневникѣ, распространился „о глупости“.

Есть вопросы, въ которыхъ ему надо отдать полную компетентность. Его разработка вопроса „о глупости“ займетъ навсегда выдающееся положеніе въ литературѣ.

Вотъ что въ дневникѣ напечатано:

„Что касается глупости, то позволю себѣ замѣтить, что опытомъ жизни я добылъ убѣжденіе, что понятія о глупости и умномъ весьма относительны; я даже склоненъ думать, что нѣтъ абсолютной глупости... Не разъ на себѣ я испыталъ эту истину“.

Ура!.. Ура!.. Больше глупости не существуетъ.

Примѣчаніе для близорукихъ: „нѣтъ абсолютной глупости... Не разъ на себѣ я испыталъ эту истину“—эта фраза означаетъ, что какой вздоръ я ни печаталъ, а всегда на него находились читатели.

Съ чѣмъ и поздравляемъ!..

* * *

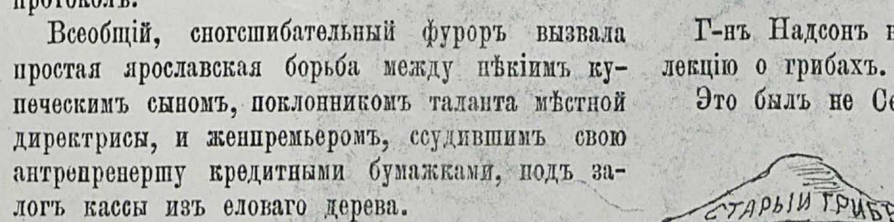
„Прощальный“ спектакль въ Озеркахъ.

Прощаться всегда бываетъ тяжело, а при такихъ печальныхъ проводахъ, какіе были учинены въ Озерковскомъ театрѣ, прощаться еще тяжелѣе.

Разставаніе съ сезономъ и публикой произошло при участіи урядниковъ, двухъ судебныхъ приставовъ, при грандіозномъ скандалѣ „де гала“ — тру-ля-ля.

Все это отнынѣ становится достояніемъ исторіи, такъ какъ эту исторію на память потомству тогда же описалъ приставъ въ протоколѣ.

Всеобщій, сногсшибательный фуроръ вызвала простая ярославская борьба между нѣкіимъ купеческимъ сыномъ, поклонникомъ таланта мѣстной директрисы, и женпремьеромъ, ссудившимъ свою антрепренершу кредитными бумажками, подъ залогъ кассы изъ еловаго дерева.

Когда на сценѣ шелъ первый актъ, въ кассѣ шелъ уже послѣдній—судебный приставъ арестовалъ кассу, и женпремьеру осталось одно еловое дерево.

Спектакль гг. артисты рѣшили не доканчивать, такъ какъ тотчасъ же заявили приставу, что играютъ они не для пышной славы, а для презрѣнныхъ денегъ.

Публикѣ было объявлено, что спектакль дальше не пойдетъ и что публикѣ деньги, уплаченныя за мѣста, будутъ выданы обратно, за исключеніемъ нѣсколькихъ копѣекъ, по расчету, сколько приходится за сыгранный первый актъ.

Но это говорили со сцены, а при выходѣ говорили другое:

— Помилуйте, какія у насъ деньги!.. Развѣ вы не видите, у насъ голова кругомъ идетъ...

Дѣйствительно... мы увидѣли необычайное явленіе: у „озерковцевъ“ головы вертѣлись какъ флюгера...

* * *

Г-нъ Надсонъ въ Ботаническомъ саду читалъ лекцію о грибахъ.

Это былъ не Семенъ Яковлевичъ Надсонъ, непереварившій фельетоновъ Буренина, и умершій отъ несваренія желудка...

Нѣтъ, этотъ Надсонъ не поэтъ—а грибовѣдъ—ботаникъ.

Мы прослушали пространную лекцію о грибахъ и—будемъ осторожны: не будемъ подражать сибирскимъ инородцамъ, тунгусамъ и камчадаламъ, которые ѣдятъ сальныя свѣчи и запиваютъ сокомъ изъ мухомора, не будемъ ѣсть жареныхъ груздей, какъ ѣдятъ ихъ въ Германіи, потому что все это вредно, да къ намъ и не пристало... Впрочемъ, кому изъ насъ не приходилось „съѣсть грибъ“ отъ хорошенькой барышни или барыньки.

— Бѣдный Иванъ Ивановичъ!
— Но, дорогая Елена Валентиновна, если жалѣете меня, отчего вы мнѣ отказываете въ любви?
— Именно потому что вы *бѣдный!*

— Знаете, Ништеттъ, сейчасъ я продалъ за тысячу рублей картину, для которой вы были моделью.
— Тысячу рублей—за картину!.. Сколько же онъ заплатилъ бы за оригиналъ?!.. Неужели вы не знаете его адреса?..

СЦЕНКА У МОДИСТКИ.

Шикарная барыня разсматриваетъ выставленную въ модномъ магазинѣ, неимовѣрныхъ размѣровъ дамскую шляпу, представляющую какую-то безформенную массу разноцвѣтныхъ лентъ, перьевъ и кружевъ.

— Ахъ, Боже мой! съ ужасомъ восклицаетъ дамочка,—quel horrible chapeau vous avez fait là! Эта масса цвѣтовъ, перьевъ, лентъ... но это же безобразіе! Для кого это?

— Для баронессы Изюминцевой, отвѣчаетъ модистка.

— А!.. Впрочемъ, она недурна, если разсмотрѣть хорошенько, да... да.. и какъ мило подобранъ гарнитуръ, столько вкуса!.. Пожалуйста, сдѣлайте мнѣ точно такую же.

— Не желаете ли взять эту? Я баронессѣ сдѣлаю другую, такъ какъ эта ей не совсѣмъ нравится и она отказалась ее взять.

— Что же я и говорю! Кто станетъ носить такую мерзость?..

Жанъ Коко.

СИЛЬНАЯ СКОРБЬ.

Встрѣчаются два пріятеля. Одинъ изъ нихъ въ глубокомъ траурѣ.

— Ба, что это ты? Умеръ у васъ кто-нибудь?

— Пока еще нѣтъ, но мой бѣдный дядюшка очень плохъ: доктора говорятъ, что ему не прожить и недѣли.

— Развѣ?

— Да, и вотъ я надѣлъ трауръ нѣсколько ранѣе, чтобы онъ зналъ какъ я о немъ сожалѣю.

Кзм.

УГРОЗА.

Пьяный субъектъ подходитъ къ извозчику.

— На Караванную, пятіалтынный!

— Сорокъ копѣекъ, баринъ!

— А за пятіалтынный не хочешь везти?

— Больно дешево, баринъ.

— Ну, такъ я возьму да и свалюсь здѣсь—даромъ въ часть везти заставятъ.

— Пожалуйте, баринъ.

Rick.

СЛИШКОМЪ ВѢЖЛИВО.

— Ахъ, докторъ, извините пожалуйста, что я васъ такъ долго не звалъ къ себѣ, но я и моя семья, къ сожалѣнію, здоровы!

Трр...

НАШИ ТУРИСТЫ.

Въ вагонѣ.

— Послушайте, за кого вы меня приняли?

— За очень милую дѣвицу.

— А я васъ за стараго осла.

— Значитъ, мы оба основательно ошиблись, сударыня.

Изъ свадебнаго путешествія.

— Что я вижу, милый, ты зѣваешь?

— Видишь ли, дорогая, мужъ и жена одинъ человѣкъ, а когда человѣкъ одинъ, онъ скучаетъ.

Въ Крыму.

— Что ты сдѣлаешь, Ахметка, если я на твоемъ ослѣ ринусь въ пропасть?

— А, хорошій баринъ, не дэлай такъ—оселъ 30 рублей стоитъ!

Гри-Гри.

МЕЖДОМЕТІЯ.

Ты была полна очарованья,
Ты всѣхъ дѣвъ затмила въ Озеркахъ,
И сдержать не могъ я восклицанья:
Ахъ!

Я любви добился, и украдкой
Мы встрѣчались, слышался твой смѣхъ...
Вотъ такъ время! вспомнить даже сладко!..
Эхъ!

Но крутенько заварилась каша,
И мой жребій сталъ угрюмъ и плохъ:
Насъ засталъ маститый твой папаша...
Охъ!

Стала ты супругою законной,
И мой ликъ отъ плюхъ совсѣмъ опухъ,
И родится возгласъ озлобленный:
Ухъ!

Юнкеръ Тесаковъ.

РЕЗОННОЕ ОСНОВАНІЕ.

— Гриша, мы съ тобой должны разойтись! Я цѣлый годъ ради тебя измѣняю мужу, а онъ хоть бы малѣйшее подозрѣніе возымѣлъ!.. Согласись, что это, наконецъ, можетъ сдѣлаться скучнымъ.

Мурзукъ.

НАСЛѢДСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

— Такъ ты, Володя, что называется, по уши врѣзался въ эту пѣвичку?

— Ахъ, отецъ, какъ ты выражаешься! Я прошу тебя въ моемъ присутствіи такъ насмѣшливо не выражаться о женщинѣ, которую я люблю!

— Я и не думаю надъ нею насмѣхаться.

— Ты ее назвалъ пѣвичкой!

— Ну, что жъ тутъ дурного? Нельзя же назвать ее примадонной!

— Но, понимаешь, я влюбленъ въ нее... влюбленъ до безумія!

— Ничего нѣтъ удивительнаго! Какъ женщина, она—ничего! Я самъ былъ въ нее влюбленъ не меньше тебя, когда былъ въ твоихъ лѣтахъ.

Mack-bête.

У АДВОКАТА.

(Кліенты конца вѣка).

— Чѣмъ могу служить?

— Какъ разъ наоборотъ: это я вамъ хочу служить, а не вы мнѣ.

— Извините, я васъ не понимаю.

— Понять не трудно... Скажите прямо, сколько вы мнѣ заплатите за то, что я поручу вамъ свое дѣло?

Адвокатъ съ удивленіемъ смотритъ на посѣтителя.

— Васъ удивляетъ мой вопросъ?

— Положительно.

— Не удивляйтесь... Мое дѣло громкое... Оно вамъ дастъ извѣстность! Такого мошенника, какъ я, не часто встрѣтите!..

Жанъ.

УДАЧНО.

Бесѣдуютъ гимназистъ и гимназистка.

— Завтра, Маня, я принесу посвященное вамъ стихотвореніе.

— Вотъ какъ, Коля, вы стихи пишете?.. И удачно?

— Очень удачно... Ужъ я зимою изъ-за нихъ два раза въ карцерѣ сидѣлъ.

С.

ДОГАДКА.

— Чортъ возьми, какъ неприлично выражается этотъ господинъ!..

— Вѣроятно, онъ принадлежитъ къ „союзу любителей *русскаго слова*..."

Базиль.

Почтенный лекторъ почему-то пропустилъ распространенный типъ „стараго гриба".

Мы и еще бы могли сказать кое-чего о грибахъ, но будемъ осторожны, будемъ лучше ѣсть пирогъ съ грибами, а языкъ держать за зубами...

* *

Скачки на лошадяхъ, гонки на велосипедахъ, гонки на парусахъ, на веслахъ, осенніе собачьи садки... и т. д.

Для любителей „спорта"—большаго, пожалуй, и желать нечего. Сотни и даже тысячи рублей чуть не ежедневно переходятъ изъ однихъ кармановъ въ другіе, благодаря лишь ногамъ скакуна, ногамъ велосипедиста или ногамъ собаки.

Ногами щеголяютъ другъ передъ другомъ, и каждый спортсменъ, протянувъ вамъ ногу, съ гордостью скажетъ:

— Пощупайте, monsieur, мои мускулы!!!

— Мускулы на ногахъ и на поясницѣ у васъ, милостивый государь, въ порядкѣ, а позвольте лучше ощупать вашу голову, я френологъ!..

Можно представить ужасъ спортсмена... развившаго совсѣмъ не ту часть тѣла, которая требуется въ нашемъ обиходѣ.

* *

По Петербургу прокатилась коляска безъ лошадей.

Народъ толпой бѣжалъ около коляски.

— Эй, тетка, сторонись, гляди—раздавитъ!..

— Чаво раздавитъ, когда она взадъ ѣдетъ—гляди, лошади-то назади.

Карета проносится мимо, едва не опрокинувъ бабу.

— Ай, ай... визжитъ баба,—анаѳемское наважденіе, чортова сила, чуръ меня, чуръ!..

— Вотъ дурища, а еще въ Питерѣ живешь, чего спужалась?

— Спасите, миленькіе... Ой, нутро трясется! Видно, свѣтопреставленіе пришло, безъ лошадей кипажъ ѣдетъ!.. Безпримѣнно завтра въ деревню ѣду, а то долго-ль до грѣха, антихристъ такъ и слопаетъ; вчерась хозяинъ, у котораго я въ судомойкахъ служу, на колесѣ поѣхалъ по проволокѣ разговаривать, сичасъ кипажъ безъ лошадей чуть меня не переѣхалъ... Безпримѣнно надо въ деревню ѣхать.

* *

Въ Петербургѣ въ концѣ нынѣшняго лѣта нѣтъ ни одного увеселительнаго уголка, гдѣ бы не шло „Обозрѣніе".

Такой успѣхъ доморощенныхъ „ревю" объясняется весьма просто: чтобы написать хорошее „зазвонистое" обозрѣніе, надо ножницы, клей, юмористическіе журналы и три рубля въ зубы.

Такъ по крайней мѣрѣ составляются „ревю" большинства нашихъ садовъ.

За чайнымъ столикомъ подозрительная личность съ побитой физіономіей разговариваетъ съ антрепренеромъ—купцомъ въ высокихъ сапогахъ бутылками.

— Можешь ты мнѣ его, шельмеца, канкарента моево, изобразить попакостнѣе, ошкандалить, значитъ?

— Понимаю-съ, и могу-съ! Я его въ видѣ истукана изображу, а васъ въ видѣ индѣйскаго бога. съ шестью руками, и каждой рукой вы ему пощечины будете давать.

— Что ты, что ты, меня оставь, ты его одного...

— Можно и одного, но дѣло это требуетъ фантазіи и... трехъ рублей!..

— За тремя рублями не постою, а ты только его, моево канкарента, ошкандаль, любезный!

Личные счеты смазныхъ сапогъ не послѣднее дѣло въ этихъ обозрѣніяхъ.

С. Эръ.

— Господинъ швейцаръ, будьте милостивы, допустите подать прошеніе покровителю сирыхъ и убогихъ.
— Не въ ту центру попали, мы покровительствуемъ не людямъ, а животнымъ.
— Все единственно, допустите только, милостивецъ, а собачку я монументально подъ воротами поймаю.

ИЗОБРѢТАТЕЛЬНОСТЬ.

Елизавета Ивановна Грибкова стояла въ гостиной передъ большимъ трюмо, когда вошла горничная.

— Вчерашній столяръ пришелъ! Тотъ, съ которымъ вы подрядились.

— Введи сюда! Только посмотри, чтобъ онъ хорошенько ноги вытеръ, распорядилась барыня.

— Проходи! послышался черезъ минуту голосъ горничной, отворившей дверь и пропускавшей столяра.—Въ какой комнатѣ, барыня, онъ чинить-то будетъ?

— Я сама покажу, сказала Грибкова и, сдѣлавъ повелительный знакъ столяру, направилась въ кабинетъ мужа.—Вотъ этотъ письменный столъ кой-гдѣ исправить надо, громко сказала хозяйка, прислушиваясь къ шагамъ удалявшейся горничной.—Милый! тихо прибавила она и улыбнулась.—Какъ ты оригиналенъ въ этомъ костюмѣ, какъ онъ къ тебѣ идетъ!

Столяръ тоже улыбнулся и, положивъ на столъ инструменты, привлекъ къ себѣ молодую женщину.

— Возьми, милый, вотъ это кольцо и носи его въ память о твоей смѣлости и моей изобрѣтательности, говорила черезъ нѣсколько минутъ Елизавета Ивановна, сидя на диванѣ плечо о плечо со столяромъ.—Мы теперь будемъ съ тобой цѣлый мѣсяцъ видѣться, пока ты не перечинишь всю мебель.

— Но вѣдь я, голубушка, не умѣю чинить, замѣтилъ столяръ.

— Ничего,—какъ-нибудь! Мужъ все равно не сообразитъ: починено или нѣтъ.

— А вдругъ онъ застанетъ меня и мнѣ придется въ его присутствіи разыгрывать роль столяра?

— Онъ раньше шести часовъ не возвращается, а ты можешь въ пять...

Звонокъ въ передней прервалъ Елизавету Ивановну, и она, вскочивъ съ дивана, стала прислушиваться.

— Мужъ вернулся!!. Начни скорѣй работать! Онъ сейчасъ опять уйдетъ... поспѣшно проговорила она и убѣжала въ спальню.

Столяръ оправился, схватилъ первый попавшійся инструментъ и сталъ осматривать столъ, прислушиваясь въ то же время къ тяжелымъ шагамъ хозяина дома.

— Столяръ? спросилъ Степанъ Ильичъ Грибковъ, входя въ кабинетъ.

— Точно такъ! сконфуженно отвѣтилъ послѣдній.

— Столъ чинишь?

— Такъ точно!

— Что же ты, болванъ, ничего не снялъ со стола? Вѣдь ты разобьешь, дубина, что-нибудь!

— Виноватъ! окончательно растерялся столяръ и сталъ снимать вещи.

Грибковъ прошелъ къ женѣ, но вскорѣ снова вернулся.

— Ты что это, олухъ, дѣлаешь? напустился онъ на столяра, который разсматривалъ въ это время фотографическій альбомъ.—Ты чинить пришелъ, или альбомъ смотрѣть? А?!.

Столяръ покраснѣлъ и остановился среди комнаты.

— Чего же ты остановился?.. Да ты дуракъ, или столяръ?

— Столяръ, ей-Богу, столяръ! машинально проговорилъ послѣдній.

— И глупъ же ты, любезный!

Столяръ покраснѣлъ какъ піонъ и опустилъ голову.

— Ты что же, недавно изъ деревни? спросилъ Грчбковъ, замѣтя сконфуженный видъ столяра.

— Да... нѣтъ... я, да... да... нѣтъ...

— Да ты, я вижу, убійственно глупъ!.. Ну, работай!.. Постой! Что это такое?.. Мерзавецъ!.. Ахъ, каналья!.. Такъ вотъ ты какъ,—воровать!?. Стой!..

Степанъ Ильичъ схватилъ столяра за руку.

— Лиза! Лизочка! позвалъ онъ жену.

Елизавета Ивановна вбѣжала въ кабинетъ.

— Онъ укралъ твое кольцо!!. Въ полицію его!..

— Вы забываетесь, милостивый государь! Это ужъ черезчуръ!.. не удержался столяръ и вышелъ изъ роли.

— Что? Какъ? Ахъ, мазурикъ! Въ полицію!.. Въ тюрьму!..

Столяръ поблѣднѣлъ, и глаза его сверкнули недобрымъ огонькомъ. Елизавета Ивановна увидѣла, что скандалъ и огласка неизбѣжны, и въ ея изобрѣтательной головкѣ мелькнула идейка.

— Помогите!.. Умираю!.. крикнула она и съ размаха грохнулась на полъ.

Грибковъ выпустилъ столяра и бросился къ женѣ.

— Лизочка! Что съ тобой, Лизочка!?.

Онъ поднялъ ее и понесъ къ дивану. Столяръ моментально утекъ.

— Милый, я испугалась... Я думала, что это не столяръ, а... а разбойникъ!.. Теперь мнѣ легче!.. шептала Елизавета Ивановна, замѣтя, что слѣдъ столяра давно простылъ.

— Удралъ, мерзавецъ! спохватился мужъ.—Надо его догнать. Вѣдь твое колечко укралъ!..

— Не стоитъ, родной! удержала мужа жена.—Что колечко!?. Ты мнѣ купи за это хорошенькую браслетку...

Д. Васильевъ.

ИЗЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ БУДУЩАГО.

Гг. антрепренерамъ!!. Страховое общество „Тритонъ“ страхуетъ гг. антрепренеровъ отъ прогара. Условія высылаются безплатно.

* *
*

Въ два урока выучиваю ловить жениховъ. Адресъ: Коломяги, 3 разрядъ, № 389. С. Амфитридина.

*
* *

Поэтъ Ривкинъ симъ объявляетъ, что онъ, обиженный равнодушіемъ къ нему публики и печати, съ сего дня прекращаетъ писать стихи...

Micr—s.

НОВЫЕ ПАРОВОЗЫ.

— Изобрѣтены новые паровозы, на которыхъ можно пріѣхать въ Москву въ 10 часовъ!

— Вечера, или утра?

Путеецъ.

ЭПИТАФІЯ.

(Въ недалекомъ будущемъ).

Переселился въ вѣчность съ миромъ
Подъ камнемъ симъ лежащій рабъ:
Искать квартиры былъ онъ слабъ
И умеръ, лазивъ по квартирамъ.

Трр...

*
* *

— Какая опасная профессія быть банкиромъ, Исаакъ Соломонычъ: читали вы, что одинъ иностранный банкиръ, считая деньги и помачивая во рту пальцы, отравился краской банковыхъ билетовъ и умеръ?..

— Ну, намъ, Абрамъ Мордохеичъ, нечего этого бояться: у насъ такъ мало денегъ, что если бы мы не только полизали, а даже совсѣмъ съѣли, то и тогда мы бы не отравились.

Кліентъ.

За редактора издатель *Р. Голике.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Августа 1895 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.